

Перед Буддой нельзя лгать, поэтому Хо Линьфэн замолчал, отделавшись невнятным бормотанием. Когда грехи были искуплены, они продолжили молиться, сложив руки. Жун Лоюнь был очень набожен, закрыл глаза, прошептал молитву и глубоко поклонился, долго не поднимаясь.

Хо Линьфэн сосредоточился, для себя ему нечего было просить, и в итоге он попросил за других.

После молитвы они тихо покинули главный зал и перелезли через стену храма. Дойдя до ступенек, они задумались: стоит ли карабкаться на четыреста ступеней ради тесной кровати и неудобного дерева? Не очень выгодно. Пока они колебались, вдруг услышали за собой звук копыт, царапающих землю, — это была карета, стоявшая у стены.

Карета принадлежала Цзя Яньси, она была просторной, с шелковыми подушками и подголовниками. Найдя укрытие, они забрались в карету, закрыли двери и окна, и каждый прижался к стенке. Они оба вспомнили поездку к озеру Линби, когда они тоже ночевали в карете и держались за руки всю ночь.

В полной темноте слышалось только дыхание. Хо Линьфэн спросил:

— Тебе не холодно?

Жун Лоюнь честно ответил:

— Немного.

Раздалось шуршание одежды, и щелчок — застежка на поясе расстегнулась. Хо Линьфэн снял узкий халат и верхнюю одежду, сложил их и накрыл Жун Лоюня. Затем он, как отец, поучающий сына, сказал:

— Теперь тепло, спи.

Ночь была уже на исходе, и они устроились в карете.

На следующее утро все из Дворца Буфань спустились с горы, оставив щедрое пожертвование перед уходом. Большая процессия двинулась на юг, наконец возвращаясь на Сицяньлин.

Жун Лоюнь не удержался и оглянулся. Несколько дней в маленькой усадьбе на вершине горы прошли для него насыщенно. По мере того как они удалялись, Чаньский двор вернулся к собакам, монашеские одежды — к настоятелю, а он унес с собой только воспоминания.

После тряски на триста ли они вернулись на Сицяньлин к полудню.

Проезжая мимо длинной реки, Жун Лоюнь зашел в Башню Чжаому, чтобы сообщить о своем благополучном возвращении, вспомнив, как Хо Линьфэн веселился в башне перед тем, как спасти его.

— Ду Чжун, я дам тебе полмесяца отпуска, — сказал он, подойдя с заботой. — Хочешь пойти со мной, я угощу.

Хо Линьфэн замялся:

— Гунчжу, вы слишком любезны...

Лгать было легко, но трудно поддерживать, он стиснул зубы и притворился слабым:

— Я потратил слишком много сил на лечение ваших ран, очень ослаб, боюсь, не смогу насладиться удовольствиями.

Жун Лоюнь покраснел:

— ...Я не подумал об этом, возвращайся во дворец и отдыхай.

Он не мог не чувствовать вины, ведь такой сильный мужчина, как он, ослаб до такой степени, это должно быть очень тяжело.

Он пошел один, у входа его ждал слуга, который сразу же побежал сообщить о его возвращении. Как только он вошел в башню, девушки закричали, матушка схватилась за грудь, а Жун Дуаньюй, спускаясь по лестнице, была в слезах.

Жун Лоюнь позвал:

— Сестра, — и обнял ее.

Разделившись, он сел на стул, и врач начал проверять его пульс, служанка принесла суп из женьшеня, а Жун Дуаньюй держала его раненую руку. Он был как сокровище, и только после того, как все убедились, что с ним все в порядке, они успокоились.

Брат и сестра вернулись в комнату на четвертом этаже, и Жун Лоюнь извинился:

— Сестра, я заставил тебя волноваться, прости меня.

Жун Дуаньюй сердито посмотрела на него:

— Ты совершил ошибку, а я не могу тебя ругать? Я готова тебя ударить.

Она закрыла маленькое окно:

— Если бы не тот ученик, который пришел за тобой, неизвестно, сколько бы ты еще задержался.

Жун Лоюнь удивился:

— Ду Чжун пришел за мной? Разве не за Баоло?

Жун Дуаньюй сказала:

— Какое отношение Баоло имеет к этому, не отвлекайся.

Она ткнула пальцем в лоб Жун Лоюня:

— Из девяти питонов Туаньхунь осталось семь, сколько еще раз тебе придется переживать такие опасности?

Жун Лоюнь пропустил остальное, сосредоточившись на утешении. Когда Жун Дуаньюй немного успокоилась, он заговорил о самом важном:

— Сестра, новый губернатор из Чанъани уже прибыл в город Ханьчжоу, это... Шэнь Чжоу.

Жун Дуаньюй широко раскрыла глаза, и рука, державшая веер, слегка дрожала.

— Шэнь Чжоу, — прошептала она эти два слова и через долгое время тихо сказала:

— Это хорошо, жители Ханьчжоу больше не будут страдать от коррумпированных чиновников.

Жун Лоюнь торопливо спросил:

— Сестра, ты с ним...

Жун Дуаньюй перебила:

— Не говори глупостей, я с ним никогда не встречалась, и ты тоже.

Ее тон был холодным и сдержанным, Жун Лоюнь мог только замолчать и кивнуть, пока не говоря больше. Он не был дома несколько дней и не мог оставаться долго, успокоив Жун Дуаньюй, он тихо ушел.

Обойдя коридор, он вдруг вспомнил кое-что и пошел к матушке.

— Бабушка, — он, как послушный внук, выпрашивающий сладости, подошел к ее уху. — Мне нужны лекарства для укрепления мужского здоровья.

Матушка схватила его:

— Мой малыш! Как ты повредил свою жизненную энергию?!

Жун Лоюнь покраснел:

— Это один ученик...

В его голове возник образ высокого Хо Линьфэна, и он, преодолевая смущение, сказал:

— Мне нужно самое лучшее, этот человек очень сильный, дай побольше.

Через некоторое время матушка передала ему ящик, наставляя:

— Две ложки из хлопкового пакета добавь в суп, три чашки из шелкового пакета свари в одну, а одну таблетку из мешочка прими внутрь, эффект будет от слабого до сильного.

Жун Лоюнь запомнил, взял ящик и ушел из Башни Чжаому.

В Зале Цяньцзи Дворца Буфань Хо Линьфэн вернулся в Бамбуковый сад и сразу же лег спать, одежду за него снял Ду Чжэн.

— Ой, молодой господин, ты весь горящий, — испугался Ду Чжэн, положив грубую руку на его лоб. — Нельзя так, похоже, ты простудился!

Хо Линьфэн был в полузабытьи, накрылся одеялом и закатился в кровать. Внутренняя сила еще не полностью восстановилась, и после нескольких холодных ночей он расслабился, и болезнь проявилась. Ему было холодно, и даже одеяло не помогало, он хотел ту теплую белую лису.

Молодой господин лежал в жару, а слуга бегал в поисках лекарств. Ду Чжэн выбежал из Зала Цяньцзи, мчась на лошади по дворцу, даже напугав учеников на Платформе Мяоцан.

На улице он увидел, как ворота медленно открываются.

Жун Лоюнь шел с ящиком в руках и столкнулся с Ду Чжэном.

— Эй, старший брат Ду Чжуна, — окликнул он его. — Куда ты так спешишь?

Ду Чжэн подумал, что все из-за тебя! Он с досадой сказал:

— Мой брат заболел, лежит в постели, очень слаб, прошу гунчжу разрешить мне выйти из дворца за лекарством.

Жун Лоюнь, услышав, что он уже лежит в постели, сразу же открыл ящик. Хлопковый пакет был самым слабым, мешочек — самым сильным, сначала дай шелковый. Он передал его Ду Чжэну:

— Я знаю, что ему плохо, я принес лекарство, скорее возвращайся и свари ему.

Ду Чжэн, обрадовавшись, взял лекарство и поспешил обратно.

Получив столько милости, сейчас он смог помочь в трудную минуту, Жун Лоюнь вздохнул с облегчением.

Вечером навещу его, — подумал он о Хо Линьфэне и тихо улыбнулся.

Ду Чжэн, весь в спешке, вернулся в Зал Цяньцзи, держа в руках пакет с «спасительным» лекарством.

Забежав в маленькую кухню Бамбукового сада, он налил три чашки воды в чайник, довел до кипения и на медленном огне сварил до одной чашки. Он тут же побежал наверх, намочил полотенце холодной водой и стал протирать лоб Хо Линьфэна, чтобы сбить жар, но за это время тот стал еще горячее.

Хо Линьфэн лежал в полузабытьи, его губы пересохли и потрескались, а в горле будто застрял камень.

— Дурак, воды... — прошептал он, одновременно закутываясь в одеяло.

Ду Чжэн поспешил принести чай, поил его понемногу, успокаивая:

— Молодой господин, сначала поспи, когда лекарство будет готово, я разбужу тебя.

Поправляя одеяло, он нашел бело-серый платок с гинкго, смочил его и положил на лоб Хо Линьфэна.

Хо Линьфэн послушно заснул, и примерно через час в комнату на втором этаже донесся сильный запах лекарства.

Чашка с черным отваром была полной, Ду Чжэн принес ее, дуя на нее, и удивлялся: раньше в доме маркиза он варил лекарство от простуды, но запах был другим. Он подумал, что, возможно, это разница между Цзяннань и Сайбэем.

Когда лекарство остыло, он уговаривал:

— Молодой господин, пей скорее.

Хо Линьфэн, полускрыв глаза, сделал глоток.

— Ээ... — только один глоток, и он невольно бросил холодный взгляд. — Что ты мне дал, вкус такой странный.

Ду Чжэн сказал:

— Это Жун Лоюнь дал, похоже, он специально заказал это лекарство для тебя.

Хо Линьфэн насторожился, это лекарство дал Жун Лоюнь? Жун Лоюнь специально заказал его для него?

Похоже, после путешествия в Ханьчжоу, где они делили трудности, тот стал больше ценить его. Он сдержался, зажал нос и выпил залпом.

Накрывшись одеялом, он хотел спокойно пережить простуду.

Не прошло и часа, как Хо Линьфэн проснулся, весь в жару, ему было очень плохо. В его глазах мелькали световые пятна, это был закат, будто в глазах разгорался пожар.

Он, как рыба, ищущая воды, покатился к краю кровати, ища таз с водой.

— Дурак... — слабо позвал он. — Принеси холодной воды...

В Безымянной обители Жун Лоюнь кормил рыбу и голубей, ухаживая за живыми существами, которые остались одни на несколько дней, потом принял ванну и переоделся в чистую одежду. Закончив с этими делами, он увидел, что солнце почти село, и слуга принес ужин.

Открыв коробку, он увидел суп из листьев вяза, пшеничную кашу с сыром и два мясных и два овощных блюда. Жун Лоюнь попробовал кусочек мяса, оно было сочным и не пережаренным, должно быть, подойдет даже для привередливого едока.

Жун, хватит уже улыбаться.

<http://bllate.org/book/16167/1449261>